

Владислав Ходасевич

О завтрашней поэзии

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т.

Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. - М.: Согласие, 1996.

Составление и подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова.

Комментарии И. П. Андреева, Н. А. Богомолова

[OCR Бычков М. Н.](#)

Во всем живущем сокрыты зародыши новых жизней. Но верно и то, что едва прозябший росток и новорожденный младенец уже таят в себе начала грядущего разложения, смерти, конца.

Во второй половине 90-х годов явственно обозначилась в русской поэзии новая школа, которую, при всем различии ее разветвлений, справедливо будет назвать символической -- по имени ее здорового и жизненного ядра. Встреченная насмешками, злобой и бранью, она с течением времени стала господствующей.

1905 год -- роковая дата в ее жизни. К этому времени постройка ее здания была, как говорится, "вчера закончена", леса сняты, и зрители стали похваливать смелых строителей. Но уже здание было воздвигнуто, все наиболее существенное сказано. Тут-то и проступила наружу работа разрушительных сил, таившихся в новой школе и раньше, только не получавших значительного развития. Стройные и простые линии здания начали обрастать украшениями, символизм -- эстетизмом и декадентством, живое зерно -- шелухой.

Внешние условия помогли болезни развиваться. Подъем 1905 года сменился упадком. В тепловатой, застойной водице уныния и смирения отлично размножаются микробы чахлого эстетизма и гаденькой эротики. Спрос вызвал предложение. К новой поэзии стали пристраиваться литературные дельцы; вынырнули откуда-то "проблемы пола"; весь излом, вся мелочная нервозность, вся упадочная истеричность мещанской души получили от этих услужливых людей оправдание, признание и ряд красивых прозваний. Развратника титуловали искателем новых путей любви, расслабленного -- утонченником, лентяя -- мечтателем... И если порядочная критика перед тем "позволила" признать новую школу, то теперь непорядочная постаралась, чтобы она была признана за свои недостатки, а не достоинства.

Увы, сами ее представители не всегда умели устоять против соблазна. Ведь и здесь подъем сменился усталостью. Кое-кто не только из малых, но и из великих богов символистского Олимпа не удержался и тоже на возникший спрос отвечал -- предложением. От новоявленных соратников не умели, а порой и не хотели отмежеваться. "Сады Армиды" превратились в увеселительные сады.

Этим гнилым туманом, чахоточным и пряным воздухом рафинированной реакции дышало молодое поколение поэтов, пришедших по следам символизма. Да, оно родилось больным. Хилость чувства и мысли невольно, из самосохранения, прикрыло оно мастерством формы. Младшие из молодых, футуристы, как будто дразня и обижая буржуа, в сущности потакали его склонности к экстравагантности, ибо чем зауряднее мещанин, тем он более хочет казаться необычайным, непонятым и даже непонятным. Не хлебом насущным -- пирожным стала молодая русская поэзия. Она приторна -- и не питательна. Она румяна, ибо нарумянена. Она недолговечна.

Но когда в муке заводится моль, бескровное существо с бессильными крылышками, -- мудрый хозяин пересыпает и ворошит весь мешок, до самого дна. Наш хозяин и делает это рукой революции. Вся Россия ныне перетряхается, пересыпается в новый мешок. Гигантская созидательная работа становится задачей завтрашнего дня. Эпохе критической предстоит смениться эпохой творческой.

В этой деятельной и бодрящей атмосфере русская поэзия от ее нынешних маленьких тем, от душевного интимизма неизбежно должна обратиться к вечным, основным проблемам человеческого духа, должна снова стать необходимой для каждого, кто действительно ищет и мыслит; ее аудиторией снова станут все живые, а не "немногие утонченные". Она станет *народной* в истинном смысле слова. Она будет меньше говорить, но нужнее; печь хлебы, а не пирожное.

Сознаю, что говорю общо. Но судьба поэзии, как и вся жизнь России, сейчас зависит от судьбы революции. Нельзя предсказать, какие течения и силы возьмут в ней верх, в цвета какой идеологии